

18+

Александр Долгирев

Молодость

Александр Долгирев

Молодость

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Долгирев А. С.

Молодость / А. С. Долгирев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Италия 60-х годов - мир кино и политики. Старики живут в плену разочарований своего века, а молодые в тисках лихорадочной эпохи перемен. Сальваторе Каstellаци вполне устраивает его жизнь, но череда случайных встреч заставляет его попытаться воскресить свое ушедшее счастье, чтобы вновь почувствовать дыхание молодости. Чиро Бертини своей жизнью тоже удовлетворен, но для него у судьбы запасены сюрпризы горького опыта, ведущего к зрелости. Седой Рим знает, что все скоротечно, а потому способен наслаждаться как великими делами, так и малыми историями простых обитателей эпохи. При оформлении обложки использована картина Рафаэля Санти "Форнарина".

© Долгирев А. С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

*«Чтобы все осталось по-прежнему,
все должно измениться...»
Джузеппе Томази ди Лампедуза*

Глава 1

В четыре часа пополудни

Сентябрь – лучшее время в Риме. За годы, прожитые в столице, Сальваторе Каstellаци пришел к этому выводу бесповоротно и окончательно. Удушающая августовская жара уже покинула улицы и площади древнего города, но ее место еще не занял противный ноябрьский ветер. Рим был тих и прекрасен в пору начала осени, когда смертная тень увядания еще не легла на его древние стены.

Если для Рима еще только начиналась осень, то Сальваторе Каstellаци стоял на пороге своей персональной зимы. Ему было шестьдесят два года, дни его славы остались в далеком и совершенно сказочном прошлом, а шевелюра была совершенно седой. Впрочем, Сальваторе не очень-то беспокоился этими весьма прискорбными обстоятельствами. Он вообще не беспокоился. Жизнь Каstellаци уже много лет текла по одному и тому же давным-давно проложенному руслу.

Сальваторе сидел в небольшом ресторанчике на Пьяцца Навона и неспешно обедал. Он трапезничал здесь почти каждый день уже много лет. Каstellаци нравился неброский стиль этого места, местная публика, хозяин синьор Монти, который был представителем уже третьего поколения семейства Монти, державшего этот ресторан. Даже само название: «Мавр», напоминавшее о расположенном неподалеку фонтане, положительно отзывалось в разуме Каstellаци, вызывая в нем странные ассоциации с Сицилией (Сальваторе и сам не знал, причем здесь Сицилия).

Он сделал глоток все еще прохладного вина, посмотрел на обелиск, венчавший Фонтан четырех рек, а после этого прикрыл глаза – наступал лучший момент осеннего дня. Сейчас солнце подойдет к обелиску, частично скроется за ним, а затем продолжит свой вечный бег, для того лишь, чтобы вновь вернуться в Рим и вновь пройти за обелиском Фонтана четырех рек. Каstellаци уже много лет назад придумал эту игру – он закрывал глаза и пытался уловить легкое затемнение, которое имело место в момент прохождения солнца за обелиском. В этой игре он побеждал почти всегда. На лице Сальваторе появилась легкая улыбка, которая через несколько секунд стала растерянной – затемнение ощущалось намного сильнее и отчетливее, чем обычно. К тому же длилось намного дольше положенного. Лучший момент дня был безнадежно испорчен.

Сальваторе знал причину затемнения – такое иногда случалось. Он открыл глаза и увидел перед собой человеческую фигуру, которая заслонила от взгляда Каstellаци и обелиск, и солнце. С некоторой досадой Сальваторе сделал большой глоток вина и, только поставив бокал на стол, понял, что молодой, небогато одетый человек с растрепанными волосами не просто стоит перед ним, заслоняя солнце, но и совершенно невежливо пялится, расплывшись в глуповатой улыбке.

– Я могу вам помочь, юноша?

Вместо ответа молодой человек потряс головой, будто хотел избавиться от наваждения. Наконец он произнес:

– Это же вы! Вы – синьор Сальваторе Каstellаци!

Сальваторе не любил, когда его узнавали, что, впрочем, случалось нечасто. Он попытался избавиться от внимания молодого человека:

– Нет, боюсь, что вы ошиблись, юноша.

На лице молодого человека появилось недоумение, а Каstellаци сконцентрировался на прошутто¹, рассчитывая на то, что разговор окончен – он ошибся.

– Ну как же? Это же вы, я видел ваши фотографии.

– Послушайте, юноша, даже если бы я был синьором Каstellаци, так привязываться к людям просто напросто невежливо...

Сальваторе намеревался еще добавить о том, что отвлекать людей во время еды – вдвойне невежливо, но молодой человек его перебил:

– О, разумеется! Простите меня, синьор Каstellаци! Просто, когда я вас увидел, то не поверил своим глазам – я думал, что вы уже умерли или уехали из Италии. Позвольте присоединиться к вам?

– Нет, не позволю, юноша...

– Да, хорошо, я понимаю. Можно только один вопрос?

– Один вопрос и вы оставите меня в покое?

– Да, обещаю!

Сальваторе немного поразмыслил, а после этого кивнул, сделав еще глоток вина. «Если это позволит от него избавиться...»

– Синьор Каstellаци, я понимаю, что суть этой сцены и заключается в недосказанности, но скажите мне: Витторио выживает в концовке «Лишнего человека»?

Это было полной неожиданностью для Каstellаци. Он повернулся к молодому человеку и внимательно всмотрелся в его лицо. Лицо как лицо. Немного отчаянное, немного испуганное, при этом немного грустное. А еще очень заинтересованное. Молодой человек хотел узнать ответ на этот вопрос. Хотел настолько сильно, как будто от выживания персонажа старого фильма, зависело его собственное выживание.

Сальваторе прикрыл глаза и воскресил в памяти последнюю сцену «Лишнего человека». Витторио не спас свою подругу, не смог вернуть свои деньги и собирался покинуть город. К нему подходит человек в плаще и просит закурить, а после этого бьет ножом – Витторио перешел дорогу не тем людям. Он с трудом встает и уходит от камеры по вечернему парку.

«Лишний человек» был последним фильмом Каstellаци. Сальваторе снял его в самом начале пятидесятых и понял, что больше не может. Времена переменялись – больше не было монументальных картин, посвященных триумфу воли, потому, что больше не было триумфа. «Выжил ли Витторио?» Каstellаци провел много бессонных ночей во время работы над сценарием, пытаясь ответить на этот вопрос самому себе. Сальваторе отвлекся от воспоминаний и вернулся на Пьяцца Навона. Он посмотрел прямо в глаза юноши, будто надеялся найти там ответ на этот вопрос:

– А вы как думаете?

– Я думаю... Ну, то есть я хочу надеяться, что он выжил. Это все же городской парк, до людей не так уж и далеко. Кроме того, если он умирает, значит, все было бессмысленно, значит, надежды нет.

Сальваторе издал грустный смешок:

– Учтывая, куда вошел нож, у Витторио не больше пяти-семи минут, чтобы найти помощь, иначе кровопотеря будет слишком сильной и даже в этом случае, не факт, что его можно будет спасти. Надежда – глупое чувство, молодой человек.

Юноша кивнул, принимая доводы Каstellаци, но Сальваторе по выражению его лица видел, что не смог его убедить.

– Хорошо, спасибо за ответ, синьор Каstellаци. Еще раз простите, что отвлек вас от еды. Хорошего вечера.

– И вам, юноша...

¹ Прошутто – ветчина, приготовляемая преимущественно в Северной Италии из мяса свиней особого выкорма. Деликатес.

Когда молодой человек развернулся, чтобы уйти, Сальваторе вдруг охватило странное чувство. Вопрос о Витторио активировал один рычажок в разуме Каstellлаци. Окружающая его реальность начала превращаться в кино и Сальваторе, как хороший сценограф, не мог не отметить, что сцена станет намного полнее и завершеннее, если за его столиком будет сидеть еще один человек. Каstellлаци с удивлением понял, что ему одиноко.

– Вы, кажется, хотели присоединиться к моей трапезе, молодой человек?

Юношу звали Чиро Бертини и он оказался страстным синефилом. Каstellлаци любил людей, но не любил, когда их было много. Даже с друзьями он предпочитал общаться один на один или, в крайнем случае, небольшой тихой компанией. Такой подход привел его к очевидному открытию: для того, чтобы получить максимальное удовольствие от совместного времяпрепровождения с определенным человеком, лучше заниматься с ним такими делами и общаться на такие темы, которые ему близки.

Сальваторе даже разделил всех хоть сколько-то приятных ему людей на несколько категорий, каждая из которых соответствовала определенной интересовавшей Каstellлаци теме. Категория «Кино» была достаточно пуста. В ней было несколько человек, с которыми его связывали скорее воспоминания, чем интересы, пара близких друзей, которые были интересны ему сами по себе, и редактор одного некрупного тематического издания, для которого Каstellлаци иногда писал критические статьи. Все эти люди уже перешагнули сорокалетний рубеж, поэтому юный Чиро, задававший вопрос за вопросом и интересовавшийся, как казалось Каstellлаци, абсолютно всем, что было хоть как-то связано с кино, стал для Сальваторе волной свежего воздуха.

– Жаль, что «Лишний человек» провалился, синьор Каstellлаци.

– Напротив. Такие фильмы, лишенные светлых тонов, безысходные и должны проваливаться. Значит, в сердцах людей не находит отклик эта мрачная картина. Я не рассчитывал на успех, скорее просто хотел высказаться напоследок. Весь этот послевоенный республиканский пафос, изгнание Савойской династии, крушение фашистских идеалов – криминальная история без победы добра над злом.

– Дело в том, синьор Каstellлаци, что социальный пессимизм как раз таки спросом пользуется. Сами судите: «Рим – открытый город», «Похитители велосипедов», «Рокко и его братья»... Я могу долго продолжать... Все они нашли успех у зрителя.

– Не путайте себя с обычным зрителем, Чиро. Обычного зрителя редко интересуют такие работы. Вспомните... хотя, вы не можете это помнить... после первых показов «Похитителей...» люди требовали вернуть им деньги. Я общался с де Сика в те дни и помню, что он был в отчаянии. Если вы тот, кем кажется, тогда кино для вас, это не просто способ развлечения и времяпрепровождения в ожидании очередной смены – для таких, как мы, кино это способ существования. Наши глаза, это кинопроекторы, наша кожа, это футляры для бобин, а наше нутро, это пленка.

– Поэтому мы так хорошо горим?

Сальваторе улыбнулся этой шутке и только теперь понял, что прошло уже несколько часов.

– Я это к тому, что мы не можем мерить качество киноработы успехом у зрителя потому, что зритель, в большинстве своем, приходит в кинотеатр не для того, чтобы думать и пропускать через себя. Он хочет просто провести время, посмеяться, поплакать, возмущаться, но никак не проникнуться.

– Мне кажется, что это как-то снимает с кино важнейшую его функцию самого социального из видов искусства.

«Еще один проповедник нашелся...»

– Вы знаете, я всю жизнь слышу о том, что кино имеет какую-то важнейшую функцию. Никаких особых функций или обязательств перед обществом у кино нет. Никто ведь не гово-

рит, что у музыки есть великая обязанность просвещать массы. Музыка просто существует, а массы сами выбирают, на что обратить внимание. Равно и кино: пусть зритель выбирает. У него всегда есть выбор между пошлой, отупляющей комедией-однодневкой и чем-то большим, величественным, но требующим труда для восприятия. И зритель выбирает. Разве виноват был де Сика, что зритель выбрал не его?

– Нет, но он мог бы попытаться сделать свой фильм более понятным, чтобы людям захотелось вникать в него.

– Но тогда почти весь киноязык, который он с таким трудом выпестовал и довел до финального монтажа, пришлось бы выкинуть и заменить на простой и очевидный, я бы даже сказал вульгарный, дидактический посыл в духе: «люди, не воруйте велосипеды!», а истинный посыл работы все же совершенно не в этом... Простите меня, Чиро, я вынужден попросить вас отложить нашу беседу – я уже опаздываю на встречу. Впрочем, если вы захотите продолжить, например, завтра, я обедаю на Пьяцца Навона каждый день где-то в четыре пополудни.

Юноша изрядно погрузнел и ответил немного упавшим голосом:

– Завтра я не смогу.

– Ну, как я уже сказал, Пьяцца Навона, в четыре пополудни, каждый день.

Сальваторе достал бумажник из внутреннего кармана пиджака, чтобы оплатить счет и на короткое мгновение открыл взору молодого человека маленький значок, приколотый к подкладке на левой стороне груди. Значок имел форму щита в цветах национального флага, на котором лежала фасция² – Сальваторе Каstellаци был фашистом.

² Фасция – в изначальном значении пучок прутьев, перетянутый веревкой. В Древнем Риме фасция была символом власти магистратов. Позднее стала восприниматься, как символ государственного и народного единства. Именно в таком значении была выбрана Бенито Муссолини в качестве центрального символа основанной им Национальной фашистской партии.

Глава 2

Негр

Несмотря на то, что Бруно Диамантино был тесно связан с кино, у Сальваторе он находился в другой категории. Если быть точным, то сразу в двух категориях: «Работа» и «Проститутки». Бруно имел тесные связи с Чинечиттой³ и занимался продюсированием, хотя в титрах его имя появлялось нечасто. Не желая обременять себя лишними печальями, Каstellлаци не особенно вникал в дела Диамантино, которые не касались их совместной работы.

Работа же заключалась в следующем: несколько лет назад Диамантино отыскал где-то в Специи молодого талантливого драматурга по имени Доменико Куадри. Куадри был совершенно нищ и неприкаян. Жил в городе один и зарабатывал тем, что охранял местный театр по ночам. Пьесы Куадри были хороши. Даже очень хороши. Каstellлаци более всех запомнилась история молодого человека, который делает стремительную театральную карьеру в Риме, попадает в римскую богему, в которой быстро проматывает весь свой талант и заработанные деньги, а когда он сам оказывается в нужде, новые «друзья» отказывают ему даже в ночлеге. Незамысловатый сюжет был написан с такой страстью и озлоблением, что обязательно бы нашел своего зрителя. Но нашел он Бруно Диамантино.

Бруно перевез Куадри в Рим, свел с несколькими нужными людьми и создал условия для работы. Диамантино хотел сделать из Доменико автомат по написанию киносценариев, но, то ли Куадри изначально был не готов к столичной жизни, то ли Диамантино слишком сильно на него давил, в общем, молодой человек больше сил вкладывал не в работу, а в безудержные вакханалии. Быстро пристрастившись к героину, Куадри стремительно катился под откос. В этот момент Диамантино и вспомнил о постаревшем и отошедшем от дел Сальваторе Каstellлаци. Они были лично знакомы еще с тех пор, когда Каstellлаци был неопытным сценаристом и помощником режиссера.

План Диамантино был прост и изыщен. Бруно создал вокруг Куадри ореол таинственного художника, который бросил вызов закостеневшим нормам морали – это отлично оправдывало алкогольно-наркотические эскапады Доменико. Каstellлаци-же был истинным автором «проникнутых духом борьбы и молодежного бунта» сценариев и пьес, которые Диамантино выдавал за работы молодого гения. Таким образом, по сценариям Каstellлаци было поставлено уже три фильма, а Висконти имел серьезные планы на театральную постановку одной из пьес Сальваторе.

Каstellлаци не видел для себя причин отказываться потому, что, во-первых – изрядно соскучился по настоящей работе, а во-вторых – весьма кстати пришли щедрые гонорары, предложенные Диамантино, и заметно поправившие немного подзапущенные финансовые дела Сальваторе.

В прошлую их встречу Сальваторе передал Диамантино новый сценарий про парня из деревни, который, перебравшись в город в поисках лучшей жизни, влюбляется в жену хозяина фабрики. Все, разумеется, заканчивалось плохо и было выдержано в настолько пролетарском и антибуржуазном настроении, что просто обязано было понравиться зажиточным буржуа – главным ценителям «неореализма». Впрочем, сперва придирчивый Диамантино должен был принять сценарий.

Бруно жил в сравнительно небольшой квартире, которая, правда, окнами выходила на Колизей. Сальваторе удивляло, что он никогда не видел, чтобы в этой квартире были другие

³ Чинечитта – крупнейшая киностудия Италии.

люди, кроме хозяина и пожилой неразговорчивой домработницы, которая и открыла ему дверь. Диамантино был в дурном настроении.

– Вы опоздали, Каstellаци...

– Да, не уследил за временем. Прошу прощения.

– Читали?

Бруно с силой швырнул журнал, который держал в руках, на свой рабочий стол. Тот прокатился по гладкой поверхности и упал к ногам устроившегося в гостевом кресле Каstellаци. Сальваторе степенно поднял его и положил обратно на стол. Это был свежий выпуск «Синема Нуово» – одного из самых крупных и самого авторитетного журнала страны посвященного кино. Каstellаци, разумеется, читал этот выпуск, но любил, когда Диамантино распалется до криков, поэтому отрицательно помотал головой.

– Эти мерзавцы копают под меня! Выдумали какого-то дерьмо-осведомителя, который рассказал им о моих прибылях с раздутых бюджетов! Да как складно рассказал, Каstellаци! Я бы и сам поверил в это, если бы не знал, что большая часть этого дерьма – полная чушь... Я найду на них управу. Красные ублюдки! Педерасты!..

Бруно взял паузу, чтобы отдышаться, после чего продолжил в подобном же духе и иссяк только через несколько минут. Все это время Каstellаци получал искреннее наслаждение. Он не любил Диамантино. К вполне обыденной нелюбви режиссера к тому, кто тычет ему квитанциями и все время напоминает о перерасходе, добавлялась искренняя неприязнь к бессердечному дельцу, который грезил лишь прибылями. Неприязнь эта, впрочем, никогда не вырывалась наружу.

Бруно грузно обрушился в кресло и начал разминать пальцами виски. Через минуту он устало произнес:

– Там и про наши с вами дела есть.

– Неужели?

Сальваторе уже оценил усилия критика, который недвусмысленно указывал на то, что последний фильм по сценарию Куадри отличается от тех, что были раньше. Каstellаци особенно понравился пассаж про то, что Куадри, сравнивая быт богатых туринских бездельников с условиями жизни обычных рабочих с фиатовских заводов, будто бы сочувствует бездельникам и, даже, иронизирует над классовым противостоянием, совсем не оценивая важность политического момента, который переживает республика. Это был один из самых хвалебных критических отзывов, которые Сальваторе получал на свою работу.

– Да, Каstellаци. Некий борзописец... Ренчи, Ченчи? не помню – к черту его! Этот ублюдок пишет о том, что Куадри стал слишком ироничен по отношению к рабочим, как будто это и не Куадри вовсе. Что вы на это скажете?

– А что здесь можно сказать? Рим меняет людей, синьор Диамантино. Изменил и вашего молодого гения, особенно учитывая его недавние проблемы с законом. К тому же, идут слухи, что у Куадри всерьез пошатнулось здоровье. Не удивительно, что у него определенный кризис революционного духа. Кроме того, он все же не молодеет. Ирония редко доступна молодости – она, скорее, единственная защита зрелости.

Сальваторе подкрепил свои слова улыбкой.

– Вы что, смеетесь надо мной, Каstellаци?

– Ни в коем случае, синьор Диамантино.

– Так или иначе, любят-то его за молодость и бунтарство, а не за зрелость и иронию.

– Синьор Диамантино, позвольте напомнить, что фильм уже вышел, уже собрал кассу и, в общем, получил не самую плохую критику, а внести изменения в сценарий сейчас... весьма затруднительно. Кроме того, вы всегда можете сказать, что это режиссер неверно понял замысел сценариста и вообще – автор не виноват, что публика слишком примитивна для его гениальности. Эстеты любят такие объяснения.

Диамантино рассеянно кивнул. Он явно думал о чем-то другом и мнение Кастеллаци его не очень интересовало. Установилось молчание. Через несколько минут Сальваторе нарушил его, решив перейти к цели своего визита:

– Вы прочли «Растоптанную розу»?

Диамантино подслеповато посмотрел на Кастеллаци, и Сальваторе вдруг пришло в голову, что Бруно, будучи лишь на несколько лет старше него, выглядел совсем старым и, даже, дряхлым. Впрочем, когда Диамантино пришел в себя и собрался, это впечатление сгладилось.

– Да, посмотрел. Лучше, чем прошлая ваша работа. Из того, что явно не понравилось, это сцена, где фабрикант плачет над портретом жены. Снова ваша клятая двусмысленность, Кастеллаци! Фабрикант – злодей истории, а вы уделяете ему почти столько же внимания, сколько и главному герою. Образ героини... Стефании?

– Розалии.

– Неважно. Образ героини неверен. Она замкнутая в золотой клетке птичка, которая задыхается среди золотых подсвечников, старинных картин и фарфора. Она – жертва. А по вашему сценарию выходит, что она и есть злодей этой истории, который вовлек в нее двух мужчин. Кастеллаци, вы совсем не следите за вкусами зрителя – зритель не любит, когда молодая женщина оказывается отрицательным или хотя бы двусмысленным персонажем. Сейчас мода на сильных женщин, которые бросают вызов своему положению в обществе, а ваша героиня показана неблагодарной интриганкой.

И еще, я вот не очень понял этот прием: зачем вы все время перемещаете повествование в прошлое? Зачем нам сцена знакомства героини с мужем? Зачем сцена того, как он был ранен на Войне? Сейчас так не делается, Кастеллаци. Повествование должно быть сконцентрировано на настоящем. Меньше идиллии, особенно в воспоминаниях – больше грязи. Хотя, это работа постановщика.

Это было тяжело, но Сальваторе в очередной раз справился. Правила были очень просты: Диамантино платит – Кастеллаци подчиняется его требованиям. Отступлений от правил Сальваторе себе не позволял. Он спросил спокойным ровным голосом:

– Мне приниматься за переработку, синьор Диамантино?

Бруно положил руку на подбородок и задумался. Наконец, он заговорил:

– Да. Главное, переработайте сцену с плачущим у портрета жены фабрикантом. Добавьте черного, снимите с него мундир, пусть он застрелится не от горя, а от бессильной злобы...

– Нет!..

Сальваторе все же не выдержал. Впрочем, он смог почти мгновенно вернуть самообладание и избежать возможных проблем:

– Я имею в виду, что сцену очень трудно переделать, сохранив порядок событий. Ее лучше, либо полностью выкинуть, оставив судьбу Гви... фабриканта неизвестной, либо полностью переписать.

Диамантино откинулся на спинку кресла и задумался. Он, похоже, не заметил эмоциональности Кастеллаци. Наконец, Бруно решил:

– Да, выкиньте ее. Пусть судьба фабриканта останется неизвестной. Вообще, поменьше внимания его персоне...

Обсудив еще некоторые детали, Диамантино достал из ящика стола толстый конверт и положил его перед Кастеллаци.

– Вторая часть. Третья после внесения исправлений. Все как обычно.

Сальваторе кивнул и убрал конверт в карман пиджака. Он уже совсем успокоился и теперь ожидал момента, когда Диамантино перейдет из категории «Работа» в категорию «Проститутки».

Глава 3

Пышка

Ничто снаружи большого старинного особняка, расположенного на одной из тихих улочек, не указывало на то, что в этом здании ведет работу один из лучших публичных домов Рима, но, разумеется, это обстоятельство не мешало известности сего заведения. Сказав сухонькому старику, который вовсе не тянул на амбала-охранника, секретное слово, Диамантино, а вслед за ним и Кастеллаци вошли в мир позолоты и бархата, а также странного трудноопределимого аромата, который всегда присутствует в публичных домах и на светских приемах.

Кастеллаци никогда не менял деньги на любовь – ему виделось в этом что-то унижительное. С возрастом, к тому же, он понял, насколько смешно выглядит молодящийся старикан рядом с, пусть размалеванной и давно утратившей невинность, но все же девой. Когда Диамантино впервые предложил ему посетить это место, Сальваторе был изрядно удивлен. Комбинация с лже-Куадри тогда только началась, и Кастеллаци даже поначалу решил, что Бруно пошутил, когда предложил отметить их негласный договор в компании проституток.

Согласиться на это предложение Сальваторе заставил соблазн увидеть, как забавно Диамантино будет выглядеть в окружении молодых женщин. Что сподвигло самого Бруно сделать такое странное предложение человеку, с которым он до этого не общался больше десяти лет, так и осталось для Кастеллаци загадкой.

Мадам этого заведения все звали просто Клареттой, хотя настоящим ее именем было Анна, и нынешнему ее статусу предшествовала долгая и интересная жизнь, которая забавно, причудливо и одновременно весьма страшно переплеталась с судьбой Италии нынешнего века. Об этом Кларетта рассказала Сальваторе в приватном разговоре в одно из посещений. Она уже давно сама не работала, и Кастеллаци хорошо запомнил удивление на лице Диамантино, когда Кларетта сама предложила свои услуги, да еще и по стандартной цене. Сальваторе здесь любили.

– С возвращением в «Волчицу», синьоры.

Аккуратно одетый мужчина лет тридцати пяти стоял за небольшой кафедрой красного дерева, на лицевой стороне которой было написано с немалым изяществом известное изображение Капитолийской волчицы, к сосцам которой в образе Ромула и Рема припали двое мужчин в одежде современного фасона.

– Добрый вечер, Джулио. Мари сегодня свободна?

Если была возможность, Диамантино всегда выбирал одну и ту же девушку. Сальваторе поймал себя на мысли, что никогда не видел ее. И тут же на еще одной: что хочет ее увидеть.

– Да, синьор Росси. Поднимайтесь...

Джулио отвлекся на книгу, лежавшую перед ним.

– ...в четырнадцатый номер, скоро Мари к вам присоединится.

Диамантино кивнул Джулио, попрощался с Кастеллаци и направился в указанный номер. Когда он отошел достаточно далеко, Сальваторе обратился к мужчине:

– Как твои дела, Джулио?

– Обыкновенно, синьор Кастеллаци. Одна из девушек перебралась в Милан, сказала, что получила приглашение играть в театре. Ничему некоторых людей жизнь не учит – поманили пальчиком, и тут же побежала к замаячившей на горизонте звездочке...

– А кто именно?

– Фран... Фульвия. Вы бывали с ней, синьор Кастеллаци?

– Нет, Джулио, я не любитель женщин, которые втыкают мне в язык булавки.

Джулио посмотрел немонимающе.

– Не бери в голову... Твоя мать здесь?

– Да, в столовой. Но если вы хотите с ней поговорить, учтите, настроение у нее сегодня не ахти.

– Спасибо за предупреждение, Джулио. Удачного вечера.

– Так мне подготовить кого-нибудь для вас, синьор Каstellлаци?

За разговором с Джулио, Сальваторе немного позабыл о цели своего визита.

– Да, пожалуйста.

– Кого?

«Кого бы ты хотел сегодня?..» – Каstellлаци немного подумал, а потом решил довериться судьбе в лице Джулио:

– На ваш выбор.

Джулио улыбнулся:

– Хорошо, тогда просто кивните мне, когда поговорите с мамой. Двенадцатый номер будет вас ждать.

– Спасибо.

Сальваторе прошел к тяжелой занавеске, за которой скрывалась дверь в жилые помещения, аккуратно отодвинул ее и постучал.

– Войдите!

Кларетта в одиночестве сидела за длинным обеденным столом и пила кофе. Помимо кофейной чашки, перед ней стояла большая турка, из которой Кларетта, очевидно, себе подливала, и тяжелая бронзовая пепельница, в которой скопилось не меньше десяти окурков. Лицо женщины было отрешенным, а взгляд был уставлен в одну точку. Она не посмотрела на вошедшего Каstellлаци.

– Добрый вечер, Кларетта.

Она медленно повернула голову и рассеянно посмотрела на Сальваторе, который, глядя на ее лицо, в очередной раз подумал: «лет бы на двадцать пораньше...» – двадцать лет назад и Каstellлаци, и Кларетта все еще верили в любовь, чего никак нельзя было сказать о нынешних временах.

– Привет, Тото. Опять явился сеять в моих девушках сомнения?

– Ну да, и в тебе тоже.

– Со мной можешь не стараться – я сама уже постаралась... Ну ты бы еще в другой комнате уселся! Иди сюда, хочу тебя поцеловать.

Сальваторе подошел поближе и смог рассмотреть нынешний наряд Кларетты получше. Наряд был диковинный – на красное платье, облегавшее трепетно-оберегаемую фигуру, был повязан простенький фартук с цветочным рисунком, который предохранял вечернее платье от неприятностей подобных хлопьям пепла или каплям кофе. Как мадам «Волчицы» Кларетта должна была быть готова в любой момент появиться в заведении во всем своем блеске, но, как уставшая почти пятидесятилетняя женщина, она не могла себе отказать в крепком кофе и крепких сигаретах. Легкие поцелуи в щеку завершили нехитрый приветственный ритуал. Сальваторе устроился на стуле по правую руку от Кларетты.

– Хочешь кофе?

– Нет, спасибо. Скажи лучше, с чего это ты так меланхолична сегодня?

– Женщины склонны к перепадам настроения, старики склонны погружаться в воспоминания – сложи это и получится меланхоличная старуха.

– Ты вовсе не старуха, Кларетта.

– Спасибо за вежливость, Тото...

– Это не просто вежливость. Разве я, по-твоему, старик?! Я бодр, полон сил, у меня даже геморроя нет, а спина болит только, когда я бодрствую. А ты намного младше меня!

Кларетта грустно улыбнулась:

– Всего на десять лет.

– На целых десять лет, дорогая! На самом деле даже больше, чем на десять.

Сальваторе не знал, подействовали ли его слова, или Кларетта просто собралась в кучу, решив загнать неуверенную в себе невротичку поглубже, но, так или иначе, мадам пришла в себя и улыбнулась уже по-настоящему:

– Ладно, старый хрен, убедил! Я еще вполне себе – всем своим девкам могу фору дать!

Кстати о девках: кого будешь в себя влюблять сегодня?

– Еще не знаю, предоставил выбор Джулио.

– Скорее всего, он отправит к тебе одну из новеньких. Вряд ли Наду – она венгерка, по-итальянски ничего, кроме слова «свободна» не знает. Тебе там пожить будет нечем. Вторая, Лоренца, поаккуратнее с ней, Тото, очень уж легко ее обидеть. И еще, о прошлом ее особенно не спрашивай – это даже для меня было тяжело услышать.

– Хорошо, обещаю.

– Ты снова пришел с Диамантино?

Кларетта, разумеется, давно знала, кто скрывается под именем синьора Росси.

– Да.

– Ума не приложу, почему ты все время приходишь с этим бухгалтером?

– Он забавляет меня. Кроме того, именно он привел меня в «Волчицу» впервые.

– Но сейчас-то ты можешь приходить в любое время, Тото.

– Я не хочу в любое. Даже самое сладостное наслаждение многократно умножается от ожидания, Кларетта и, напротив, уменьшается от злоупотребления.

– Развратник...

– Еще какой.

Еще немного поболтав с Клареттой о мелочах, Кастеллаци вышел из столовой, кивнул Джулио и направился в двенадцатый номер. У него не было конкретных идей насчет сегодняшней ночи. Немного походив по номеру, Сальваторе решил поставить эту сцену наиболее минималистично. Он снял с прикроватной лампы абажур и перенес ее ближе к креслу, в котором планировал сидеть, благо, рядом с креслом была розетка. После этого Кастеллаци приладил абажур на лампу широким раструбом вверх так, чтобы получился импровизированный прожектор. На его удачу абажур был почти полностью светонепроницаем. Сальваторе снял с одной из подушек плотную наволочку и постарался прикрыть ею свет, выбивающийся из нижней части лампы. В общем и целом ему это удалось. Он убрал в комнате большой свет, плотно задвинул шторы, сел в кресло и взял импровизированный прожектор в руки, чтобы менять угол наклона по своему желанию.

Через некоторое время раздался аккуратный стук в дверь.

– Войдите.

Дверь отворилась и в полностью затемненную комнату кто-то вошел. Сальваторе увидел силуэт в проеме двери, но вскоре вновь воцарилась тьма.

– Есть здесь кто-нибудь?

Голос был тихим и испуганным, но достаточно приятным на слух.

– Конечно. Иначе, кто же дал вам разрешение войти, синьора?

– Да... Конечно, вы правы, синьор! Я просто...

– ...Удивлены?

– Да.

– К тому же вы еще и напуганы, судя по голосу.

– Да, изрядно, синьор.

Это было немного неожиданно для Сальваторе – он не ожидал, что девушка признается в собственном испуге. Такая внезапная откровенность вызвала в его разуме какие-то странные

разрозненные обрывки памяти – кто-то уже смог удивить его подобным образом, но было это уже очень давно.

– Вас направил ко мне Джулио?

– Да, синьор.

– Все не обязательно каждый раз называть меня синьором. Сейчас не солнечный полдень на Пьяцца Венеция, когда между людьми так много преград.

– Хорошо, си... Хорошо.

– Джулио ничего не говорил вам обо мне?

– Нет. Только сказал, чтобы я не боялась.

– Тогда отчего же вы боитесь? Вы не доверяете Джулио?

– Я...

Девушка замялась, но Сальваторе не пришел ей на помощь:

– Так что?

– Я здесь совсем недавно, поэтому не знаю, кому можно доверять.

– Можете смело доверять Кларетте и Джулио – они не дадут вас в обиду. Впрочем, я понимаю ваш страх – человеку свойственно бояться темноты, а более темноты, неизвестности, которая в ней скрывается. Давайте поступим следующим образом: сейчас я уберу темноту, неизвестность тоже скоро уйдет, но не сейчас. Чтобы свет не ослепил вас, закройте глаза... Готовы?

– Да.

Сальваторе щелкнул переключатель, и сильное пятно света на несколько секунд ослепило его самого. Когда глаза вернулись под контроль разума, Каstellаци увидел в круге света совсем молодую девушку. У нее были достаточно широкие бедра и плечи – она не была худышкой. Грудь показалась Сальваторе небольшой, но аккуратной. Впрочем, почти все выводы о теле девушки, которые позволил себе Каstellаци, были весьма преждевременны, ведь само это тело было скрыто под идеально подобранным платьем, которое подчеркивало достоинства, скрадывая недостатки.

И вновь назойливая память подкинула ему несколько кусочков витражного стекла, по которым нельзя было сделать вывод о содержании мозаики. Впрочем, само это ощущение воспоминания из мимолетного стало вполне вещественным – девушка кого-то ему напоминала, это Сальваторе мог сказать точно.

Лицо ее, в отличие от тела, не было укрыто от его взора. Лишь глаза скрывались за веками. Лицо было красивым. Очень красивым. Кларетта прекрасно поняла красоту этой девушки и не испортила ее лицо обильным макияжем. Сальваторе заметил лишь неяркую помаду и немного тени на глазах. Каstellаци поднял луч прожектора выше, как бы отсекая тело девушки от головы, чтобы увидеть только лицо.

– Какого цвета ваши глаза?

– Карие с серым.

– Как вас зовут?

– Лоренца.

– А по-настоящему?

Девушка вновь замялась. В этот раз Сальваторе пришел ей на помощь:

– Впрочем, вы правы – не стоит. Оставайтесь и далее Лоренцей. Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

А вот это показалось Каstellаци чистой правдой.

– Кларетта подобрала вам платье?

– Да. Вам нравится?

– Оно идет вам. Вы напомнили мне Пышку.

На лице девушки появилось расстроенное выражение, а губы начали немного дрожать. «Вот, что имела в виду Кларетта! Но неужели так легко и просто?!»

– Простите меня, я ни в коем случае не желал обидеть вас, Лоренца. Пышка, это персонаж из моего далекого детства. Персонаж очень положительный. Вы напомнили мне ее.

Сальваторе хотел еще добавить, что такая легкая ранимость является страшной слабостью Лоренцы, которой обязательно будут пользоваться, но решил, что это дело Кларетты. Девушка взяла себя в руки и кивнула.

– Этот наряд прекрасен, но мне бы хотелось, чтобы вы его сняли. Сейчас я выключу свет и дам вам время раздеться. На стуле, справа от вас лежит простыня – возьмите ее.

Девушка решила, что уже достаточно привыкла к свету, поэтому открыла глаза, но часто заморгала, а потом закрыла лицо руками.

– Простите меня, Лоренца, комната слишком мала – свет не успевает рассеяться. Давайте я вам помогу.

С помощью подсказок Кастеллаци девушка смогла нащупать простыню.

– Когда разденетесь, сможете прикрыться ею...

После этих слов Сальваторе резко выключил свет, успев увидеть недоумение на лице Лоренци. Послышалось копошение, затем звук упавшей на пол ткани.

– Мне полностью раздеваться?

– Да.

Когда Кастеллаци снова включил свет, его взору открылись руки и плечи Лоренци, а также ее левое бедро и ступни – все остальное было скрыто тканью простыни.

– Вы не устали стоять?

– Немного.

– Тогда, присаживайтесь на кровать. Идите прямо вперед, Лоренца. Никаких преград перед вами нет, поэтому ступайте смело, только помните, что комната совсем невелика. Хорошо... Стоп! Вы на месте.

Когда девушка села, воспоминание стало вещественным настолько, что оставалось лишь дать ему определение, но какая-то часть души Сальваторе страшилась этого. Он произнес:

– Обнажите одну грудь.

Лоренца стянула ткань с левой груди. Как и предположил Кастеллаци – небольшая, но аккуратная.

– Теперь вторую. Но молю, не ниже!

Сальваторе не мог скрыть волнение – он уже ставил эту сцену.

– Теперь, Лоренца, самое сложное для вас, но самое важное для меня – когда я скажу, откройте глаза. Я не отверну лампу, но вы не должны будете щуриться. А еще вы должны будете улыбнуться. Не соблазняя, не развратно, а по-человечески, тепло! Сделаете это, Лоренца?

– Д... да.

– Хорошо, откройте глаза.

Она была умницей – она справилась. Лишь один раз девушка захотела моргнуть, но он запретил. Он видел, как на ее глаза наворачиваются слезы, как рука сжимает ткань простыни с нарастающим напряжением, но Сальваторе и сам не смел моргнуть. Он все вспомнил. Наконец, Кастеллаци погасил прожектор и дал двум измученным парам глаз отдых. Через несколько минут он нарушил установившуюся тишину:

– Спасибо вам, Лоренца. Я плачу двойную цену за ваш труд. Деньги будут лежать на столике. Сейчас я направлю свет в потолок – он больше не будет вас слепить, но я смогу видеть вас, а вы меня.

Лоренца не ответила. Когда Кастеллаци включил лампу, он увидел, что девушка закрыла глаза левой рукой, продолжая правой придерживать простыню – очевидно, она все еще приходила в себя. Сальваторе распечатал конверт, который ему дал Диамантино, и положил обе-

щанную сумму на столик. После этого он подошел к Лоренце и попросил ее встать. Она оказалась на голову ниже него.

– Вы позволите?..

Сальваторе деликатно отстранил ладонь девушки от ее глаз и увидел, что они покраснели, а на щеках остались дорожки от слез.

– Можете ли вы простить меня за такое испытание?

Она помолчала, потом упрямо вытерла глаза рукой и, наконец, сказала:

– Да, со мной все нормально.

Сальваторе хотел сказать что-то ободряющее, что-то, что сможет вновь сделать Лоренцу такой, какой она вошла в номер – теперь он видел, что ранимость, которая была ее великой слабостью, была и самой важной, самой красивой ее чертой. Кастеллаци вспомнил, как девушка чуть не расплакалась, когда решила, что он смеется над ее внешностью. Нужные слова сами всплыли в его сознании:

– Вы очень красивы, Лоренца.

Девушка подняла на него взгляд своих покрасневших глаз и улыбнулась, чем вновь возродила в Сальваторе давно подавленные воспоминания.

В тот день они с Катериной увидели «Форнарину» Рафаэля, а вечером Катерина повторила композицию вплоть до мельчайших деталей. Она была его Форнариной. Теперь Сальваторе задавал себе один и тот же вопрос раз за разом: «Как я мог забыть?» Вся его связь с Катериной ожила в памяти Кастеллаци в самых мелких деталях.

И все благодаря юной Лоренце. Он не выдержал и крепко поцеловал девушку, а после этого, скомкано распрощавшись, вышел из комнаты.

Глава 4

Утюги

В отличие от почтенного синьора Каstellаци, свободно распоряжавшегося своим временем, Чиро Бертини жил в тесных рамках рабочего расписания, потому и не мог себе позволить посещать ресторанчик на Пьяцца Навона в четыре часа пополудни в будние дни. Чиро работал на заводе, производившем утюги.

В Риме юноша жил недавно – лишь второй год. Родом же он был из Понтекорво – небольшого городка, расположенного примерно в ста километрах на юго-восток от Рима. В первый момент Рим ослепил Чиро своим громадным великолепием. Он видел женщин столь прекрасных, что в иных местах они бы сами по себе были городскими достопримечательностями. Дорогие машины везли изысканно одетых мужчин и этих волшебных женщин к вершинам сладкого, ничем не сдерживаемого транжирства. Как же хотел Чиро дотянуться до них, стать таким же, одеться в костюм, который стоил половины Понтекорво, лихо откусить кончик сигары, приобрести одну, а лучше двух женщин, усыпанных драгоценностями, и начать швыряться деньгами, печатая их прямо у себя в карманах. Но Чиро засовывал руки в карманы и не находил там печатных станков, а равно и денег.

В связи с этим прискорбным обстоятельством мечту о красивой жизни пришлось немного отложить и сконцентрироваться на чем-то более конкретном, например, на утюгах.

Они плыли мимо Чиро по конвейерной ленте с чинностью тяжелых броненосных кораблей. Его работа была невелика. Бертини не был работником с повышенной ответственностью – он не ставил на них нагревательных элементов, и не он надевал блестящий корпус на тяжелое днище и начинку. Чиро лишь прикручивал на ручку резиновую вставку, благодаря которой ладонь заботливой итальянской домохозяйки не будет скользить.

Бертини хорошо справлялся с этим нехитрым трудом, развлекая себя ассоциациями. Аналогия с броненосцами продлилась в его разуме и наткнулась на детское воспоминание. На уроке истории им рассказывали о морском сражении при Лиссе – это было первое сражение броненосных флотов в истории. Блистательным итальянским морякам противостояли проклятые австрийские оккупанты. Итальянцы сражались как львы, но неудачное стечение обстоятельств привело их к тяжелому поражению. Впрочем, недолго австрийцы радовались этой победе, ведь, благодаря силе итальянского оружия и прусской помощи, течение всей войны завершилось в пользу Италии, что позволило ей вернуть блистательную Венецию. Именно итальянскими броненосцами, идущими к Лиссе, и казались Чиро эти утюги. Они были так спокойны и уверены в собственной непогрешимости, что ни на мгновение не сомневались в победе.

Бертини отвлекся от своих размышлений и посмотрел на миловидную девушку, которая стояла прямо напротив него чуть поодаль, наклеивая на белые корпуса полностью собранных утюгов фирменную наклейку. Девушку звали Сандра. Чиро уже некоторое время хотел пригласить ее на свидание, натываясь на неожиданное препятствие. Молодой человек не испытывал страха перед ней, лишь вполне обычное волнение, которое, впрочем, был в силах преодолеть. Проблемой было то, что представляя, как подходит к Сандре и приглашает ее, Чиро не мог избавиться от ощущения, что сцена получится до ужаса комичной. А Бертини хотел, чтобы она вышла красивой. Киновосприятие, которое он выработал в себе на бесконечных поздних сеансах, позволяло Чиро видеть обыденные вещи красивыми, но сейчас оно мешало ему.

Прозвучал звонок на обеденный перерыв – утюги остановили свое мерное движение. Бертини взял из дома на обед бутылку молока и немного хлеба. Сандра сидела в девичьей

компании и смеялась над чем-то, но Чиро не мог расслышать над чем. Разговоры девушек долетали до него беспорядочным чириканьем.

Подошедший Ансельмо отвлек Бертини от размышлений:

– Опять подглядываешь за Сандрой, Чиро?

– Да тише вы, Комиссар!

Ансельмо был одним из самых старших и авторитетных рабочих на фабрике, даром, что не имел никаких дел с профсоюзом. Зато имел дела с Коммунистической партией, за которую весьма осторожно агитировал тех, кто казался ему по толковее. Чиро принадлежал к их числу и агитации, в общем и целом, поддавался. Комиссаром же Ансельмо называли за партизанское прошлое, когда он действительно был комиссаром в одной из Гарибальдийских бригад⁴.

– Неужели ты считаешь, что она этого еще не заметила?

– Не знаю. Надеюсь, что нет.

– Надежда – глупое чувство, Чиро. Почему ты не пригласишь ее куда-нибудь?

Слова насчет надежды показались Чиро знакомыми, но он не смог вспомнить, где их слышал. Желая переменить тему, Бертини спросил:

– Комиссар, вы говорили, что хотите меня познакомить с одним из товарищей...

– Да, но не в ближайшие дни – Бородач сейчас в подполье.

– Намекните хотя бы, кто он.

– Слышал о «Красном знамени»⁵?

– Ничего определенного. Я думал, что они выдумка.

– В общем и целом да, но вот Бородач вполне реален.

– То есть, он троцкист?

– Много вопросов, Чиро. Придет время – сам у него узнаешь... Давай пока не будем о нем.

Бертини кивнул.

– Ты прочитал книгу, которую я тебе дал?

Две недели назад Комиссар передал Бертини небольшого формата книгу в самодельном переплете. Она содержала несколько статей Антонио Грамши⁶. Чиро честно прочитал книгу, хотя и не смог глубоко проникнуть в суть размышлений автора.

– Да, прочитал. Извините, сегодня я ее дома оставил. Когда можно будет ее вернуть?

Комиссар немного подумал и ответил:

– Завтра, в обед. Вынес что-нибудь для себя?

– Ну, я, кажется, понял идею насчет гегемонии и мысль о том, что мы должны завладеть гегемонией в общественном сознании, чтобы прийти к власти без вооруженных выступлений. Мне показалось, что это призыв к активной пропаганде...

– Да, но только не к активной, а к пассивной. Пропаганда листовок и пафосных выступлений отпугивает людей – они слишком много страданий натерпелись из-за того, что верили плакатам. Нужна умная пропаганда, которая будет селить наши идеи в сердцах людей незаметно от них. Тогда мы сможем отнять гегемонию у буржуазии. Проблема в том, Чиро, что Грамши слишком идеализирует людей – он находится в заблуждении о том, что переворот в людских умах может произойти без потрясений извне.

⁴ Гарибальдийские бригады – партизанские отряды, противостоявшие немецкой оккупации Италии в 1943-1945 годах. Сыграли большую роль в освобождении Италии от немецких войск. Несмотря на то, что в партизанское движение были вовлечены представители самых разных политических движений, руководство действиями бригад осуществляла Итальянская коммунистическая партия. Бригады получили свою имя в честь Джузеппе Гарибальди – национального героя Италии и одного из активных участников объединения страны в XIX веке.

⁵ «Красное знамя» – одна из неофициальных групп внутри итальянского рабочего движения. Придерживалась троцкистских позиций.

⁶ Антонио Грамши – итальянский философ и политический деятель. Основатель Итальянской коммунистической партии.

Люди пассивны в большинстве своем, к сожалению. Умная пропаганда должна подкрепляться регулярными акциями нашего Движения, чтобы мы могли определить, готово ли общество к переменам. Когда люди начнут поддерживать наши акции, когда даже самые равнодушные из них, привыкшие перелистывать политические новости в газетах, чтобы поскорее перейти к обзору последнего тура кальчо⁷, станут нам сочувствовать, тогда и совершится Революция.

– То есть, вы предлагаете идти и по пути открытых выступлений, и по пути подспудной пропаганды одновременно?

– Верно, Чиро! Не на запад, не на восток, а во все стороны сразу!

Комиссар широко улыбнулся и, хлопнув Чиро по плечу, встал.

– Пригласи Сандру – она, кажется, хорошая девушка.

С этими словами Комиссар повернулся и пошел к выходу из столовой, слегка припадая на левую ногу – памятка из фашистского плена.

Бертини снова посмотрел на женскую стайку, в которой пребывала Сандра. Она больше не смеялась. Чиро принялся, наконец, за молоко и хлеб, но вскоре остановил себя – «Да и хрен бы с ним!..». Он сделал большой глоток молока, встал и уверенным шагом направился к женской компании. Поняв, что он направляется именно к ним, девушки замолчали и повернулись к Чиро. Почти все они широко улыбались, одна отчего-то захихикала, но Бертини решил не обращать на это внимания.

– Чао, девушки! Сандра, у тебя есть планы на сегодняшний вечер?

Получилось чуть более бесцеремонно, чем он рассчитывал, но Чиро обратил себя в итальянский броненосец не знающий преград.

– Чао, Чиро, нет, пока нету, а что?

– Хочешь сходить куда-нибудь?

– Куда?

Броненосец был пробит и бесславно шел ко дну. «А действительно, куда?» Понимая, что слишком долго мяться нельзя, Чиро ляпнул первое, что пришло в голову:

– В кино.

«А что, отличный вариант!»

– А кто еще будет?

– Никто. Ты и я.

– То есть, это свидание?

Сандра подкрепила свой вопрос улыбкой. Она хотела, чтобы он произнес это вслух, чтобы сжег мост за своей спиной. «Чертовка!» Если она решила, что Чиро это остановит, она ошиблась – он не видел смысла оставлять себе пути к отступлению:

– Да, это свидание.

Сандра взяла паузу, за время которой Чиро успел почувствовать, что его сердце сейчас проломит грудную клетку и, вылетев на свободу, начнет крушить все вокруг в бешеных прыжках. Через пару секунд (Бертини был уверен, что прошел целый век) девушка сказала:

– Хорошо! Во сколько? Где?

Чиро хотел поднять руки в победном жесте, но сдержался. Вместо этого он вполне деловито ответил:

– Если хочешь, можем пойти прямо отсюда.

– Хорошо, я буду ждать тебя на проходной после смены.

– Нет! Это я буду тебя ждать.

⁷ Кальчо – первоначально итальянский командный вид спорта с мячом, отдаленно напоминающий современные футбол и регби. Известен со Средневековья. В современном итальянском языке словом «кальчо» называют футбол.

Все. Это был его триумф. Сцена получилась очень даже красивой. Теперь нужно было ее красиво завершить, развернувшись и уйдя с прямой спиной. В этот момент в сцену влез неожиданный персонаж.

– Господи, да хватит издеваться, скажите ему уже кто-нибудь!..

Это произнесла девушка, которая сидела чуть в стороне. Кажется, ее звали Клаудия, и, кажется, она была единственной, кто не улыбался.

– Чиро, у тебя молоко на усах.

Бертини был готов провалиться сквозь землю, но постарался выйти из положения максимально достойно. Он нарочито тщательно вытер рот рукавом и произнес:

– Спасибо, что сказала, Клаудия. Сандра, буду ждать тебя у проходной после смены. Чао!

И, не дожидаясь ответа, Чиро развернулся и ушел с прямой спиной. Сандра была не первой девушкой в его жизни, но трудно ему было, как в первый раз. Все вышло, как он и боялся – до ужаса смешно. Но Чиро все равно покинул столовую в прекрасном настроении, так и оставив недопитое молоко.

Глава 5

Потери и разочарования

Сальваторе отвратительно спал последние пару ночей. Причина бессонницы была ему известна, но он не хотел этого признавать. Все началось с робкой проститутки Лоренцы и воспоминаний, которые она вызвала своей нечаянной похожестью на женщину из прошлого Каstellаци.

Стоило Сальваторе провалиться в сон, как перед ним вновь предстала Лоренца, которая под немилосердным светом прожектора превращалась в Форнарину для того лишь, чтобы обратиться вновь, на этот раз в Катерину, которая застыла в той самой позе и с той самой улыбкой, которую запечатлел влюбленный Рафаэль. Каstellаци звал ее, протягивал руку, желая дотянуться, но прикасался лишь к фактурному холсту и просыпался с ощущением обмана и опустошенности.

В вечер четверга он сидел в неброском клубе, нашедшем свое место неподалеку от Площади Республики. Хозяин этого заведения, синьор Поцци, имел репутацию одного из самых страстных любителей джаза в Риме, да и во всей Италии. Он ухитрялся привозить в Рим негритянские бэнды даже когда Муссолини прогнул под немцев и начал играть в расизм. Сам Поцци, насколько было известно Каstellаци, до сих пор жертвовал часть доходов Итальянскому социальному движению⁸. Сальваторе совершенно не удивился бы, узнав, что Поцци тоже не выбросил свой значок с фасцией.

Впрочем, с четверга по субботу синьор Поцци несколько отступал от своего любимого жанра и со сцены клуба с простеньким названием «Римский бит» звучали песни местных шансонье и даже набриолиненных рок-н-ролльшиков, которые пели по-английски с таким зубодробительным акцентом, что даже не знавший толком этого языка Сальваторе не мог не улыбнуться.

Он не был поклонником этой американской музыки, но сегодня ее на афише и не было. Зато сегодня должна была петь Лукреция Пациенца, которую на афише обыкновенно называли просто Лукрецией. Они с Каstellаци были знакомы еще с довоенных времен. Лукреция нравилась Сальваторе, но очень быстро утомляла его. Энергичная, ершистая, немного мужеподобная, она совсем не умела себя сдерживать и относилась к окружающей действительности слишком воинственно. Лукреция находилась у Каstellаци в самой обширной категории «Память», правда, занимала там особое место, которое Сальваторе давненько хотел выделить в отдельную категорию с длинным названием: «Не только память».

Брюки мужского фасона, простая белая рубашка, забранные в тугий хвост темные волосы с обильной рыжиной, в естественности происхождения которой у Каstellаци были сомнения – Пациенца была в своем репертуаре. Распущенные вьющиеся волосы по плечи всегда шли ей, но она упорно заправляла их в хвост. Сальваторе подсчитал: ей было сорок пять, но лицо, никогда не бывшее особенно красивым, пока лишь давало намек на скорую старость.

Акомпанировали ей двое: лысый мужчина с угрюмым лицом играл на обычной акустической гитаре, а вот красивый молодой парень, которого Сальваторе раньше с Лукрецией не видел, подыгрывал на новомодной и достаточно дорогой электрической басгитаре. Голос Лукреции с заметной хрипотцой все еще был силен. Каstellаци помнил, что, когда он только познакомился с Пациенцей, ее голос был чист и могуч, но жизнь с ее иссушающими преле-

⁸ Итальянское социальное движение – консервативная, неофашистская политическая партия в послевоенной Италии. В определенном смысле выступила наследницей Национальной фашистской партии, объединив многих старых фашистов и молодое поколение ультраправых.

стями изменила голос Лукреции, забрав девичью чистоту, но дав ему надрывность и трагичность зрелости.

Она всегда пела только свое. Сейчас она пела о расставании, о том, что весь мир поблек и перестал быть интересным. О целых годах, перечеркнутых за миг. О силах, отданных без надежды на возврат. Она потратила так много себя, что больше не могла быть собой. Эта мысль – вопрошание о том, сколько было потеряно сил – была сквозной в песне. Лукреции было больно. Лучшие вещи у нее получались, когда ей было больно. Лукреция себя вложила до конца, выходя из последнего припева, даже почти перешла на крик. Она не умела петь наполовину. Как сама Пациенца однажды отметила в беседе с Сальваторе: «Ты трахаешь себя на глазах у десятков людей – здесь нельзя фальшивить...»

Песня кончилась. Прозвучали аплодисменты. Лукреция скрылась за кулисами. Сальваторе расплатился за вино и прошел в подсобные помещения. Каstellлаци был в «Римском бите» завсегдаем, о его дружбе с Пациенцей здесь тоже знали, поэтому препятствий Сальваторе не встретил. Подходя к гримерно-костюмерной, которую артисты, регулярно выступающие в «Бите», называли Африкой за духоту в любое время года, Каstellлаци столкнулся с тем самым угрюмым гитаристом.

- Как дела, Пьетро?
- Обычный вечер, Тото, а у тебя?
- Тоже. Все, как обычно.

Пьетро, сколько помнил Сальваторе, всегда был спутником Лукреции. А еще он всегда был лыс и всегда был угрюм. Все эти годы он был тайно влюблен в Пациенцу, что, разумеется, давно не было тайной ни для нее, ни для их общих друзей, ни, даже, для жены Пьетро. Каstellлаци не прятельствовал с Пьетро, но и антагонизма они друг к другу не питали.

- Хорошая вещь у Лукреции вышла.
- Да, одна из лучших. Главное, чтобы не последняя.
- Трудно далась?
- Марина ушла от нее.

Все вставало на свои места. Любовные предпочтения Пациенци становились вполне очевидны после первого же более-менее близкого общения с ней. Марина Галерани была спутницей Лукреции на протяжении долгих лет. И теперь Пациенце было больно. Поэтому песня ей так удалась. Сальваторе кивнул, соглашаясь с собственными умозаключениями, и спросил:

- Много алкоголя?
- А ты как думаешь, Тото? Для нее понятия меры никогда не существовало.
- Я поговорю с ней?

Сальваторе даже сам не ожидал, что попросит разрешения у Пьетро. Он никогда до этого так не делал. В прежние времена Каstellлаци даже забавляли ревнивые взгляды, которые Пьетро порой бросал на него – гитарист некоторое время подозревал их с Лукрецией в любовной связи. Если Пьетро и удивился просьбе Сальваторе, эмоций он по этому поводу не проявил:

- Да. Она приходит в себя в Африке. Я, признаться, собирался домой, поэтому не знаю, планирует она еще побыть в «Бите» или поедет к себе.
- Хорошо, доброй ночи, Пьетро.
- Ага, и тебе... Тото, не тыкай ее сегодня ржавым гвоздем, хорошо?
- Хорошо, Пьетро, обещаю.

В Африке было лишь несколько человек – Лукреция выступала почти в конце программы. Каstellлаци кивнул знакомому портному, который тратил один вечер недели на то, чтобы перевоплотиться в настоящего парижского шансонье, и направился к сидевшей перед зеркалом Лукреции. Она распустила волосы и закрыла лицо руками. Судя по всему, в таком виде Пациенца просидела уже довольно долго.

– Добрый вечер, Лукреция.

Прежде чем ответить, она вновь собрала волосы в хвост и вытерла руками лицо.

– Чао, Тото! Как поживаешь, старый хрен?!

Ее залихватскому тону не удалось его обмануть, но Сальваторе не стал этого показывать.

Он принял правила игры:

– Превосходно! А ты, как я вижу, все давишь слезу из обывателя?

– Ну да, давлю из обывателя, а выдавливаю из себя... Зачем пожаловал?

– Соскучился.

Кастеллаци с некоторым удивлением обнаружил, что его ответ совсем не был ложью. Он пришел сюда не ради Лукреции, но и впрямь изрядно соскучился по ней.

– Ой, Тото, только ты, пожалуйста, не влюбляйся в меня!

– Ни в коем случае.

– Это почему это? Я что недостаточно хороша для тебя?

Благодаря именно таким поворотам Сальваторе не мог общаться с Лукрецией слишком долго. Он прикинул, как бы выйти из этого положения получше:

– Нет, просто я боюсь, что однажды ты меня задушишь во сне.

– Справедливо...

– Ты планируешь еще побыть в баре или поедешь куда-нибудь?

– Мой бар...

Лукреция быстрым отточенным движением достала откуда-то фляжку и сделала большой глоток. Сальваторе даже не успел заметить, где Пациенца ее прятала.

– Мой бар всегда со мной, Тото!

– Так мы едем куда-нибудь?

– Да, мы едем в увлекательное путешествие, наполненное множеством чудесных приключений – мы едем домой. Ты, кстати, едешь с нами, Тото.

– С удовольствием. А с вами, это с кем?

– Я и Лучано. Он играл на басу.

– Надеюсь, он чуть трезвее, чем ты.

– Ханжа...

Лукреция встала, накинула на рубашку, покрытую потными пятнами, пиджак и направилась к двери. Выбравшись на улицу, она шумно втянула прохладный ночной воздух.

– Задыхаюсь, Тото...

Машина Лукреции была припаркована через дорогу от черного входа в «Римский бит». Пациенца оперлась спиной о кузов и закурила. Сальваторе внезапно поймал себя на том, что любит ее длинными ногами, которые смотрелись нелепо-обаятельно в этих слегка мешковатых брюках. «Вот чего тебе точно не следует делать, так это действительно влюбляться в Лукрецию Пациенцу!»

– А этот твой Лучано знает, что мы его ждем?

– Да, я договорилась, что в одиннадцать мы встречаемся у машины.

Сальваторе посмотрел на часы – было пятнадцать минут двенадцатого. Через две сигареты Лукреция, не говоря ни слова, направилась к фасаду здания клуба, чтобы зайти в него с главного входа, но на углу остановилась как вкопанная. Кастеллаци поравнялся с ней и увидел напротив главного входа в клуб целующуюся парочку.

– Хорошо смотрятся.

Сальваторе вынужден был согласиться – они действительно смотрелись хорошо. Девушка была блондинкой и прижималась спиной к фонарю. Парень был выше нее и придерживал ее за подбородок, целуя в губы, а второй рукой довольно недвусмысленно гладил по бедру и ягодице. Футляр с электрогитарой лежал прямо на асфальте, очевидно, бездумно сброшенный с плеча молодым человеком, попавшим под воздействие страсти.

Сальваторе посмотрел на лицо Лукреции и твердо понял, что сейчас она устроит скандал. Вопреки ожиданиям Каstellаци, она лишь усмехнулась, глотнула из фляжки и произнесла:

– Поехали домой, Тото.

Твердость походки Лукреции вовсе не внушала доверия, поэтому Сальваторе предложил вызвать из «Бита» такси, на что получил справедливый ответ о том, что в такой час они скорее черта из ада вызвонят, чем такси.

– Тогда, давай пешком...

– Тото, ты вообще соображаешь, сколько тут топать?!

Лукреция уже сидела в машине и пыталась ее завести. Каstellаци видел, что она начинает злиться и понимал, что за неимением кого-то другого, злиться она будет на него. Он оказался прав:

– Черт тебя дерит, Тото, ты либо едешь со мной, либо я еду одна!

После этих слов Сальваторе все же сел в машину, безбожно кляня себя за то, что так и не освоил управление этим дьявольским агрегатом.

– Очень прошу тебя без приключений, дорогая, только домой!

– Что и требовалось доказать: ханжа ханжой...

Вопреки опасениям Каstellаци, дорога до квартиры Лукреции прошла без приключений. Они устроились в креслах друг напротив друга и принялись понемногу напиваться довольно дорогим портвейном.

– Спасибо, что ты здесь, Тото. Иначе я бы выбросилась из окна.

– Ты же понимаешь, что тебя бы это не убило?

Лукреция жила в трехэтажном доме на втором этаже и прыжок в собственное окно мог закончиться для нее, в худшем случае, сломанными ногами.

– Да, но внимание бы привлекло! Я даже вижу заголовки какой-нибудь желтой газетенки: «Бывшая звезда радио сбросилась со второго этажа от несчастной любви!»

– Не хочу тебя расстраивать, дорогая, но твоя популярность на радио осталась там же, где и снятые мной фильмы – в далеком прошлом, о котором помнят лишь почтенные старцы.

– Ты всегда умел подбодрить женщину, Тото, например, напомнить ей о возрасте...

Сальваторе не ответил на этот выпад. Установилось молчание. Наконец, Каstellаци решил приступить к тому, что не давало ему покоя последние дни:

– Мне в последнее время постоянно снится Катерина.

– С чего бы это?

– Я встретил девушку, которая похожа на нее как две капли воды.

– Понятно... А я думала, тебя совесть заела за то, что между вами тогда произошло.

Этот выпад Сальваторе тоже пропустил.

– Совесть меня заела еще в тот самый день, когда она ушла, и ест меня с тех пор, не переставая, я настолько к этому привык, что уже даже не замечаю.

– «Она ушла...» Виноватой ты считаешь ее.

– Ты не слушаешь меня, Лукреция! Для траха нужны двое, двое нужны и для расставания – я не говорю, что не виноват в нашем разрыве. Хотя, фактически, это она собрала вещи и уехала, даже не дав мне... нам шанса все исправить.

– Хм, это так по-мужски – прятаться за фактами, как за последним бастионом!

Портвейн начинал делать свое дело, а возможно Сальваторе просто устал держать это в себе, но им начинал овладевать гнев, который становилось все труднее сдерживать.

– А это так по-женски – до последнего все сваливать на окружающих.

Лукреция резко наклонилась вперед и посмотрела зло:

– Ты сейчас про меня или про Катерину?!

– Забудь...

– Нет, Тото! Не смей прятать снисхождение за вежливостью! Ты хочешь что-то мне сказать, указать на ошибки, предъявить претензии? Так давай! Вы же так проблемы решаете, синьоры – устраиваете друг с другом базар по душам, а потом стреляетесь или деретесь!

– А тебе действительно этого хочется, дорогая?

– Да, черт тебя дери! Я всю жизнь ненавижу вот это снисхождение, эту лживую учтивость, это нежелание увидеть во мне равного.

«Сорок пять лет, а ума, как у двадцатилетней» – Сальваторе сделал большой глоток и дал Лукреции то, что она просила:

– Хочешь, чтобы я говорил с тобой без снисхождения? Хорошо! С тобой тяжело. Мне, например, выносить твоё общество дольше нескольких часов подряд невозможно! Ты давишь, и давишь, и давишь, пока не раздавишь. Ты, как будто, все время сражаешься, и это привлекает, пока не оказывается, что ты сражаешься против всех сразу. Ты безжалостна к возлюбленным, беспощадна к друзьям и жестока с простыми знакомыми. Все время тычешь людей в их ошибки и недостатки, будто забывая, что они есть и у тебя! Я не знаю, как вообще Марина прожила с тобой столько лет – она, наверное, женщина совершенно ангельского терпения, а возможно, поначалу, ей просто нравилось в этой клетке, которую ты для нее выстроила. Ты любила ее так сильно, что даже дышать не давала без разрешения! Я никогда не видел мужчин, которые бы так ревновали, как ты. А ведь у нее никогда даже мысли не возникало, быть не с тобой. Иначе она давно бы уже ушла. А ты, дорогая, ты проявляла себя лицемерной мразью каждый день – требуя от нее совершенства, себе ты столь суровых требований не предъявляла – сколько раз ты ей изменила? Сколько раз возвращалась домой под утро? Сколько раз ты прямо при ней начинала играть с очередным несчастным дурачком или дурой, которая купилась на твой подхрипловатый зов?..

Но знаешь, все это мелочи! Ты права, я виноват. Во многом виноват. Я виноват, что упустил момент, когда Катерина почувствовала между нами пропасть, виноват в том, что отмахивался от ее проблем и думал только о себе, виноват, что упустил ее в то самое, последнее утро. Но я хотя бы это признаю! А ты всю жизнь требуешь, чтобы с тобой общались по-мужски и всю жизнь реагируешь на это как женщина. Ты что же, дорогая, решила, что мужские шмотки, любовь к женщинам и выпивке делают тебя мужчиной? Нет, мужчину делает мужчиной готовность отвечать за свои слова и поступки, и мне странно, что я вынужден объяснять это совсем не девочке. Да ты же никогда не боролась за любовь, не сражалась за нее и, при этом, берешь на себя смелость обвинять в этом других! И все время, постоянно ведешь себя, как обычная истеричка – ни черта не ценишь того, что тебя любят. Не ценишь Марину, не ценишь идиота Пьетро, никого не ценишь, считаешь, что это просто так полагается, за красивые глаза...

Сальваторе не столько закончил, сколько выдохся – все, что копилось на протяжении более чем двадцати лет их знакомства, вырвалось в один невыдержанный момент. Теперь Каstellаци чувствовал себя опустошенным, но еще он испытывал эмоцию, которая, наверняка, очень бы разозлила Лукрецию – Сальваторе чувствовал вину. Ему было стыдно за то, что он не сдержался. Он допил бокал, встал, накинул пиджак, прикидывая, насколько далеко отсюда до его дома, однако размышления Каstellаци были прерваны Лукрецией:

– Ты что, собираешься уходить, Тото? Не стоит. На улице совсем ночь.

Она продолжала смотреть в бокал с вином, в который смотрела на протяжении всей филиппики Сальваторе. Каstellаци застыл в нерешительности. Лукреция отвлеклась от созерцания портвейна и посмотрела ему в глаза:

– Убедил. Дратся я бы с тобой не стала. Разве что дуэль...

– Давай в другой раз. Как ты верно заметила, на улице ночь.

Каstellаци вернулся в кресло и налил себе еще.

– Ты в одном не прав, Тото, я ценю то, что меня любят. Насколько умею. Я никогда не издевалась над чувствами Пьетро намеренно, а Марина... Да, ты прав, было разное, но я

всегда была ей благодарна за то, что она меня терпит... терпела. Я пыталась показывать это при каждом удобном случае, но в итоге, похоже, действительно заточила ее в клетку. И еще, я не считаю, что во всем виновата она. Как ты сказал: «для любви нужны двое»?

– Прости меня, дорогая...

– Эй, Тото, не смей портить такой момент своими извинениями! Да, мне больно, но разве я это не заслужила? У каждого бывает момент, когда нужно получить по зубам.

Следующие несколько минут прошли в молчании. Наконец, Лукреция его нарушила:

– Ты никогда не рассказывал о своих снах, почему решил рассказать о Катерине? И не надо мне затирать про юных дев!

– Ну, юная дева и в правду имела место, но в целом...

Кастеллаци прервался и задал себе вопрос, который совсем недавно задал Лукреции: «А тебе действительно этого хочется?» Сальваторе так и не дал себе окончательного ответа, когда вновь начал говорить:

– Катерина уехала не оставив ни адреса, ни телефона. Просто исчезла из Рима и из моей жизни. Вы были близкими подругами, может, ты знаешь, куда она направилась?

– Хм, я бы рада помучить тебя неизвестностью, но в действительности я просто не знаю – она исчезла из моей жизни так же, как и из твоей. И не ответа, не привета за все эти... двадцать три года!

Лукреция, казалось, была искренне поражена тому, как это звучит вслух. Кастеллаци же был разочарован, но, в общем и целом, не очень удивлен. Боль от расставания надолго сделала разговоры о Катерине табуированной темой для него, но они с Лукрецией вспоминали ее не в первый раз и Пациенца ни разу не упомянула о том, куда Катерина отправилась из Рима.

– Ты знаешь, Тото, я ведь любила ее.

– Как подругу или?..

– И так и так. Я тогда только приехала в Рим, почти никого не знала, а Катерина была такой спокойной, такой... аккуратной, что ли? Она была довольно сильно старше, но я не чувствовала между нами этого разрыва, наоборот, с ней я чувствовала себя той, кто я есть.

– Да, она это умела.

Сальваторе улыбнулся. Лукреция же продолжила говорить:

– Можно сказать, что она была моей первой настоящей любовью. Я даже один раз попыталась ее соблазнить, но не вышло. Она была вежлива и тактична, не испугалась меня, за что я буду ей всегда благодарна, и сказала, что ее сердце занято.

Неожиданно для Сальваторе Лукреция протянула руку и погладила его по щеке:

– Оно было занято тобой.

Кастеллаци аккуратно отстранил руку Лукреции, оставив на ней легкий поцелуй – он очень не хотел влюбляться в Лукрецию Пациенцу. Она улыбнулась и спросила:

– А ты уверен, что хочешь сейчас ее найти, Тото?

Когда этот вопрос прозвучал из чужих уст, Сальваторе смог ответить на него с удивительной легкостью:

– Да, полностью.

– Зачем?

– Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что она была единственной женщиной, которую я по настоящему любил... Кроме того, когда мы расстались, у Катерины была задержка. Изрядная задержка.

Глава 6

Бородач

Итало Мариани по прозвищу Бородач улыбнулся своему отражению в старом, замызганном зеркале. Ему до сих пор было непривычно без своей легендарной бороды, но конспирация в данном случае была важнее гордости. Бородач был в Италии уже месяц и уже неделю в Риме.

В начале пятидесятых, во времена реакции и коричневого подъема Мариани уехал в Югославию, чтобы перекантоваться несколько месяцев. Через два года вынужденной эмиграции он понял, что Партия окончательно пошла по пути советского ревизионизма, предавая идеалы Ленина и Троцкого – его, Бородача, идеалы. Тяжкое разочарование растянулось на годы. Итало с болью оглядывался назад и видел лица товарищей расстрелянных чернорубашечниками⁹ – павшие проклинали его и прочих выживших за то, что они позволили Движению превратиться в банальную политическую партию с банальными съездами, банальными лозунгами и банальной республиканской ложью.

Бородач бежал дальше, чтобы из югославской Риеки ему не мерещился родной апулийский берег. Место и время смешались в кашу в его голове. 1956-й – Будапешт. Участие в венгерской авантюре против всех. Война ради войны. 1957-й – Бильбао. Работа над созданием организации прямого действия. Тренировки баскских боевиков. В том же году в Мадриде – полицейская облава, тяжелое ранение в живот. 1958-й – ГДР. Попытка легализоваться. Окончательное разочарование в Советах. 1959-й – Монтевидео. Нищета и беспросветность. 1960-й – Аргентина. Новые связи и новые идеи. 1962-й – Куба. Разочарование Революцией. Усталость.

Убравшись с душевной Кубы, Итало через Аргентину и Югославию вернулся на Родину. Он не знал, чем будет заниматься. За годы скитаний итальянские связи были почти полностью потеряны. Партия продолжала идти по пути соглашательства с республиканскими марионетками, а подполье было изрядно прорежено карабинерами¹⁰ и коричневыми, которых спонсировали американцы. Бородач даже подумывал над тем, чтобы уйти на покой, вернуться в Апулию и заняться выращиванием чего-нибудь или рыболовством.

Эти планы пошли прахом, когда в Милане к Бородачу подошли двое и, пригрозив стволами, приказали идти с ними. Это были мордвороты из Национального авангарда¹¹ Делле Кьяйе¹². Бородач понял, что сейчас его будут убивать. Он выхватил нож, который служил ему еще с довоенной поры, и бросился на них, желая забрать с собой еще хотя бы одну коричневую сволочь. Забрал двоих, а сам остался.

Планы Итало изменились. Он снова хотел бороться. Если не за красное знамя, то хотя бы против черных рубашек. Кроме того, Бородач прекрасно понимал, что раз его смогли так

⁹ Чернорубашечники – изначально прозвище военизированных формирований Национальной фашистской партии, отличительной чертой которых были черные рубашки, со временем распространилось на всех членов фашистской партии и сочувствующих им.

¹⁰ Карабинеры Италии – полицейское ведомство Итальянской республики. В отличие от полицейских организаций в большинстве других стран, итальянские карабинеры являются отдельным родом войск в Вооруженных силах Италии и подчинены не МВД, а Министерству обороны республики. Это обуславливает несколько большую милитаризованность организации в сравнении с ее аналогами.

¹¹ Национальный авангард – неофашистская военизированная организация. В отличие от Социального движения и прочих правых сил, Национальный авангард выступал за силовой захват власти и стоял на позициях радикального антиреспубликанизма.

¹² Стефано Делле Кьяйе – основатель и бессменный лидер Национального авангарда. Изначально был членом Социального движения, но порвал с ним, разочаровавшись в умеренной линии партии. В разные годы защищал свои взгляды в Италии, Анголе и Боливии за что получил прозвище «Че Гевара антикоммунизма».

быстро найти боевики Делле Кьяйе, значит, найдут и другие, а потому, спокойная жизнь в Италии ему не светила. А нигде кроме Италии Мариани больше жить не хотел.

Разумеется, Бородач понимал, что после убийства этих молодчиков на него начнется настоящая охота. Поэтому он безжалостно сбрил бороду, которая долгие годы была его главной приметой, съехал из гостиницы и ушел в подполье. В очередной раз в своей жизни. Оставаться в Милане было рискованно, да и знакомых товарищей у него на Севере практически не осталось, а свою герилью Бородач планировал вести все же не совсем в одиночку. Поэтому он перебрался в Рим. В столице Итало быстро смог отыскать нескольких старых товарищей, но был разочарован ими, да и общим состоянием Движения. Старики устали и утратили пыл, а молодежь была недостаточно радикальна и последовательна.

Единственным достаточно жадным до борьбы Бородачу показался Комиссар. Ансельмо на словах был полностью за официальную линию Партии, но между слов Мариани чуял недовольство. Комиссар, может быть и не хотел, но хотя бы был способен вернуться к борьбе. Нужен был только достаточный стимул. И с этим Бородачу совершенно неожиданно повезло.

Теперь он ждал Ансельмо в своей берлоге, рассчитывая убедить его присоединиться к своему партизанскому отряду, в котором пока что был лишь один человек. Бородач ютился в нищей ночлежке, хозяин которой за несколько лишних бумажек согласился не задавать вопросов и не запоминать лиц. Разумеется, оставаться здесь надолго Итало не планировал – после каждой акции ему придется полностью менять свое место пребывания и, возможно, внешность.

В дверь постучали. Бородач проверил беретту и, повернувшись к двери так, чтобы можно было сразу выстрелить, сказал:

– Войдите!

Дверь отворилась, и в комнату вошел, слегка прихрамывая, Комиссар.

– Добрый вечер, Бородач.

– За тобой не следили?

– Зачем за мной следить? Я полностью легален и чист перед законом.

– Карабинеров я не боюсь, Ансельмо – они, скорее всего, уже давным-давно о моем существовании позабыли. Фашисты – совсем другое дело.

– В любом случае, я ничего не заметил.

Комиссара, очевидно, раздражала эта осторожность, но отказываться от нее Бородач не был намерен.

– Садись. У меня есть немного вина, будешь?

– А кофе есть?

– Нет, кофе нет.

Бородач налил себе и Комиссару вина и, не присаживаясь, приступил к делам:

– Ты нашел толкового парня?

В общем, да. Не сидел, не задерживался, у властей на него ничего нет. Сочувствует нам, но в Партии не состоит и ни в каких акциях не участвовал. Зовут, Чи...

– Сколько лет?

– Чуть за двадцать.

– Плохо – молод. Может сдрейфить.

– Бородач, скажи, наконец, зачем он тебе?

– Я прикинул – нам в любом случае нужен третий.

– Нам? Я же говорил тебе, что не буду участвовать в акциях, которые не согласованы с Партией.

– Партия не одобрит наше выступление, Комиссар!

Ансельмо сделал большой глоток, взяв паузу на размышления. Бородач говорил ему, что не хочет иметь дел с Партией, но о том, что Партия не одобрит саму акцию, он молчал.

– Партия многое может одобрить... Что ты планируешь, Итало?

– Террор.

Вопреки ожиданиям Бородача, Комиссар рассмеялся. Сквозь смех он спросил:

– И кого ты собрался терроризировать?

– Фашистов. Всех: Социальное движение, старых чернорубашечников, их агентов во власти. Если получится, хотелось бы даже их верхушку заставить трястись.

– А может, хватит уже террора, Итало? Мы все равно с фашистами в одной лодке – нас обоих подмяли республиканские никакисты, которые только и делают, что продают Италию Штатам кусок за куском.

– И в такой ситуации ты говоришь: «хватит террора»?! Да как ты вообще можешь сравнивать нас с чернорубашечниками?!

Комиссар чуть приподнял левую штанину, чтобы Бородач мог увидеть шрам на том месте, где Ансельмо сломали ногу.

– Я могу сравнивать кого хочу и с кем хочу. Ты давно не был дома, Бородач – Италия изменилась. В нашей молодости все перлились по политике. Фашизм, марксизм, капитализм – каждый верил в какой-нибудь –изм. Сейчас люди прутся от кино, телевидения, музыки и настоящих наркотиков. Мы с фашистами уже проиграли, просто это еще не так заметно.

Комиссар встал, собираясь уходить.

– Итало, захочешь вспомнить старые времена, помянуть павших, просто поговорить – ты знаешь, где меня найти, но в подполье я не вернусь и помогать тебе начать новую партизанскую войну я не стану. Чао.

– Лихо тебя эти утюги отгладили, Комиссар...

Похоже, Мариани удалось задеть своего старого товарища за живое. Ансельмо развернулся и посмотрел прямо в глаза Бородача.

– А ты и сам попробовал бы хоть раз побыть тем, чью диктатуру мы хотим установить, может и понял бы, когда нужно драться, когда любить, а когда уgomониться!

– Зачем, чтобы стать таким, как ты?

– Нет, для того, чтобы говоря о борьбе за трудовой народ, ты не врал хотя бы самому себе!

Комиссар распрощался и направился к двери. Бородач надеялся убедить Ансельмо простыми аргументами, но не очень рассчитывал на это. Однако у него на руках был еще один козырь, и сейчас было самое время для того, чтобы его выложить.

– Хорошо, Комиссар, ты не хочешь начинать войну с фашистами, но как насчет расплаты за старые обиды?

– Что ты имеешь в виду?

– Садись и выслушай. Если после того, что я тебе расскажу, ты все еще не захочешь мне помочь, я не стану тебя больше убеждать, ты выйдешь из этой комнаты и никогда больше меня не увидишь.

Ансельмо, судя по его лицу, был весьма заинтригован. Он вновь сел в кресло и приготовился слушать.

– Прибыв в Рим, я не терял времени даром. Я принялся копать и составил что-то вроде списка видных местных фашистов. Это было не так уж трудно – они проникли во все сферы жизни города, причем не особенно-то и скрываются. Обратил я внимание, разумеется, и на Социальное движение, но если замахиваться на Микелини¹³ или Альмиранте¹⁴ еще явно рано, то вот к персоне адвоката Микелини я присмотрелся. Он член Социального движения,

¹³ Артуро Микелини – правый политик, фашист и неофашист, один из основателей Социального движения и его председатель с 1954-го года до своей смерти в 1969-м. Придерживался умеренных позиций.

¹⁴ Джорджо Альмиранте – правый политик, фашист и неофашист, один из основателей и виднейших членов Социального движения. Считался лидером радикального крыла движения, допускал силовые акции. При этом последовательный сторонник республиканской формы правления.

ранее был чернорубашечником, остался верен Муссолини после 43-го и служил в Республике Сало¹⁵. Но самое главное, это его имя. Его зовут, Малатеста.

Услышав это имя, Комиссар потемнел лицом и как-то расплылся в кресле, сразу став лет на десять старше своего возраста. Через минуту он хрипло спросил:

– Ты уверен, что это он?

– Да.

Комиссар надолго погрузился в размышления. Итало не торопил его. Он прекрасно знал, о чем думает старый товарищ. А Ансельмо думал о то, что последние восемнадцать лет жаждал убить человека по фамилии Малатеста.

Это было зимой 1945-го года. Комиссар тогда находился под арестом неподалеку от Верчелли. Не прошел простую проверку на дорогах и попал в застенки, где его держали уже неделю, но отчего-то не расстреливали. За эту неделю его допросили уже больше двадцати раз. Чернорубашечник, лицо которого все время было скрыто за светом, направленной прямо в глаза Ансельмо лампы, постоянно спрашивал про какого-то партизанского командира по прозвищу Бородач. Комиссар молчал. Даже захоти он рассказать о Бородаче хоть что-то, у него бы это не вышло, потому что Ансельмо почти ничего о нем не знал. Они с Итало познакомятся только через месяц.

Дни шли. Нога, раздробленная почти год назад и сросшаяся не вполне правильно, болела нещадно, как и все тело после тяжелых каждодневных побоев. Ансельмо кормили каждый день, но совсем не дали одеял или теплой одежды, поэтому он страшно мерз по ночам. Наконец, на седьмой или на восьмой день (Комиссар не был уверен), его и еще десяток узников, которых держали в других камерах, посадили в грузовик и повезли в сторону ближайшего леса. Перед отправлением Ансельмо успел заметить знакомую фигуру допрашивавшего его чернорубашечника, но не его лицо – тот стоял спиной, а перед ним отчитывался верзила, который обычно избивал Комиссара на допросах. Ансельмо услышал только одну фразу:

– Все будет исполнено, синьор Малатеста.

«Совсем не по-армейски» – подумал тогда Комиссар, но не стал на этом заостряться, имея более серьезные проблемы – их везли на расстрел – в этом Ансельмо не сомневался. На подъезде к лесу Комиссар собрал все оставшиеся силы и выбросил себя из кузова грузовика прямо на заледеневшую грунтовку. Не обращая внимания на боль, Ансельмо вскочил и поспешил под укрытие заснеженных деревьев, молясь, чтобы охранники в кузове оказались не только растяпами, но еще и мазилами. Его мольбы были услышаны, и до леса Комиссар добрался, так и не обретя лишних отверстий в своем теле.

Что было в следующие несколько часов, Ансельмо плохо помнил. Он шел и шел по лесу, все дальше уходя от дороги. Потом обессилел и устроился под пышной елью, немного прикрывшись за пригнутыми снегом почти к самой земле ветвями. Комиссар понимал, что умирает. Он пытался не уснуть, но порой все равно проваливался в тяжелое, грозившее вечностью забытие. В один момент, придя в себя, Комиссар отчетливо увидел сквозь прореху в ветках лицо молодого парня. Ансельмо, как мог, присмотрелся к нему и чуть не испустил вздох разочарования – парень был в форме фашистской национальной гвардии.

Парень повернул свое лицо к Комиссару и тоже заметил его. Они так и застыли, глядя друг на друга. У гвардейца было красивое, даже аристократическое лицо с изящными усами и внимательными глазами. Комиссар очень хорошо запомнил это лицо. Неожиданно парень приложил указательный палец правой руки к губам, а потом посмотрел куда-то в сторону и крикнул:

¹⁵ Республика Сало – неофициальное название Итальянской социальной республики, возникшей на территориях Италии, оккупированных Германией. Республика Сало была создана в 1943-м году после того, как король отстранил от власти и арестовал Муссолини, и попытался вывести Италию из войны. В ответ на это немцы оккупировали всю Северную Италию и, выкрыв Муссолини из места его заключения, создали марионеточный режим во главе с ним.

– Здесь никого!

Через пару часов, которые Ансельмо совсем не запомнил, его нашли крестьяне из ближайшей деревни, которые смогли спасти его и выходить. Из всех пленников тот день пережил только он.

– Так ты поможешь мне, Комиссар?

Бородач вернул Ансельмо из воспоминаний. Он моргнул несколько раз, приходя в себя, и понял, что все это время сжимал челюсти так сильно, что теперь они болели. Ансельмо с трудом подчинил себе одеревеневший язык:

– Да, Бородач, можешь на меня рассчитывать.

Глава 7

Рецепт настоящего прошутто

- Смотрели что-нибудь на этой неделе, Чиро?
- Да, в понедельник попал на «Леопарда».
- И как вам?
- Сандра уснула на середине.
- Сандра? Ваша девушка?
- Ну да...
- Как то вы не очень в этом уверены, Чиро.
- Это было наше первое свидание.
- Тогда понятно... А второе было?
- Да, вчера.
- Ну, значит все не так плохо! Куда ходили на этот раз?
- Тоже в кино. На американский мюзикл. Ей, вроде, понравилось.
- Вот вы и нашли то, что ей нравится, Чиро – мюзиклы! Начало отношений с женщиной, это как перевод стихов с другого языка – сперва все время получается что-то не то, но с каждым следующим разом все лучше и лучше.
- Ей, как я понял, больше понравился Фред Астер, а не сам фильм...
- Фред Астер – интересный выбор. Не так очевидно, как Тони Кертис или Кирк Дуглас.
- Ну да...

– Чиро, позвольте маленький совет: никогда не ревнуйте своих женщин к певцам, актерам и писателям. Во-первых, это выглядит смешно; во-вторых, это бессмысленно; а в-третьих, женщины совсем не глупы – они прекрасно понимают, что вы рядом, а Фред Астер далеко, просто иногда все склонны увлечься выдуманными персонажами.

На этот раз Чиро даже не сказал: «Ну да...» – он просто кивнул. За прошедшую неделю Сальваторе успел позабыть о своем новом знакомце, поэтому появление Чиро на Пьяцца Навона в половину четвертого пополудни стало для Кастеллаци неожиданностью. Но, несмотря на то, что Бертини вновь испортил прохождение солнца через обелиск, Сальваторе был очень рад его видеть.

Они вновь беседовали о кино. О ресницах Элизабет Тейлор и морщинах Анны Маньяни. О бездумных американских мелодрамах, которые понемногу начали вытеснять бездумные итальянские мелодрамы. О том, что Висконти в «Леопарде» опять перегрузил хронометраж, а Кубрик, похоже, вознамерился стать живым классиком уже к сорока, выпустив два больших фильма подряд: за эпичным и размашистым «Спартак» последовала «Лолита», которая не глянулась Сальваторе сюжетно, но несла в себе интересный киноязык. К этим двум работам Кастеллаци добавил бы еще снятый чуть раньше «Тропы славы», но этот фильм остался практически незамеченным.

Сальваторе удивляло то, что, общаясь с этим молодым человеком лишь второй раз в жизни, он не чувствовал скованности, как будто бы знал его уже давно. Кроме того, Кастеллаци испытывал искреннюю симпатию к Чиро, который не позволил тяжелому быту раздавить себя и находил в своей рабочей расписании место для прекрасного.

Сделав паузу в беседе, мужчины обратились к еде. Оценив цены в «Мавре», Чиро решил заказать себе лишь скромную порцию кростини с мелко-нарезанным помидором, но Сальваторе, который после встречи с Диамантино не имел никаких финансовых затруднений, взял оплату обеда на себя, хотя убедить в этом Бертини оказалось нелегко. Чиро, как и все молодые

люди, обедал скоро, потребляя из еды энергию, а не вкус. Теперь он безбожно спешил с восхитительным прошутто, которое синьор Монти всегда нарезал собственноручно.

– Позвольте, Чиро, отвлекитесь на минуту.

Юноша запил ветчину большим глотком вина и кивнул, приготовившись слушать.

– Мой юный друг, знаете ли вы, что такое прошутто?

Чиро удивился этому вопросу и даже вопросительно указал пальцем на свою тарелку.

– Да, именно это. Вы знаете, что это?

– Это, ну... мясо, свиной окорок.

– Это верно, но почему он столько стоит?

– Ну... это почти центр города, Пьяцца Навона. Место неброское, но, судя по всему, достаточно популярное среди ценителей.

– Вы наблюдательны, Чиро, и вы правы, цена во многом сложилась благодаря самому этому месту. Но это не весь ответ, а лишь его часть. Вторая часть ответа состоит в том, что производство этого мяса стоило большого труда обширной группы людей, каждому из которых нужно кормить семью. Свины очень смешные существа – они, как люди, но не сдерживают собственных желаний, не имея общества, Государства и Бога, которые могли бы их ограничить. Хотите увидеть человека, который абсолютно свободен – посмотрите на свинью. Но свины для прошутто, это прямо таки свиная аристократия. Заботливые фермеры ухаживают за ними, кормят их фруктами, кукурузой и злаками. От такого довольствия и многие люди бы не отказались.

Потом, по достижении определенного возраста и откормленности этих свиней забивают и после разделки берут лишь задние окорока. Окорока просаливаются морской солью, которая добавляет им удивительный едва уловимый вкус. После этого они вялятся в течение времени, за которое влюбленная женщина успеет заметить, что теперь ее изящные ножки несут не только ее, вырастить в себе чудо новой жизни, исторгнуть его на наш немилосердный свет в страшных муках и даже крестить новоявленного человека.

Теперь завяленные и готовые к употреблению окорока отправляют в магазины и рестораны. Угрюмый водитель, который прошлым вечером страшно разругался с женой из-за собственного пагубного увлечения азартными играми, привозит эти окорока синьору Монти – хозяину «Мавра». Синьор Монти берет большой, невероятно острый нож, остроту которого проверяет на собственной щетине, и быстрыми, почти волшебными движениями нарезает прошутто так тонко, чтобы я мог, посмотрев его на просвет, буквально прочувствовать, как солнечный свет проникает внутрь мясной ткани. Вот вам вторая слагаемая цены, Чиро...

Молодой человек слушал неспешное выступление Сальваторе с некоторым нетерпением, явно желая высказаться. Теперь он получил такую возможность:

– Мясо вообще делать трудно. Да, здесь взят хороший окорок, но это не объясняет такой разницы в цене, синьор Каstellаци. На самом деле ее объясняет только ваше отношение к этому куску мяса. Вы видите в этой ветчине нечто большее, чем просто еду, поэтому за нее и заламывают такую цену.

– Вы так об этом говорите, как будто это что-то плохое.

– А что же здесь хорошего, синьор Каstellаци? Вы приклоняетесь перед простой ветчиной так, будто это произведение искусства, забывая об истинной цели употребления пищи – выживании.

– Да, а еще мы оба поклоняемся движущимся картинкам, которые рассказывают нам о людях никогда не существовавших и о ситуациях никогда не происходивших так, будто это произведение искусства. Я не забываю об истинной цели употребления пищи, я просто пытаюсь получить от этого максимальное удовольствие.

– Все не думая о тех, кто этой возможности лишен...

– Нет, Чиро, неверно. Вы меня не слушали – разве не говорил я, главным образом, о том, сколько трудов люди прилагают к тому, чтобы этот кусок мяса попал ко мне на стол. Я накальваю его на вилку...

Сальваторе взял небольшой ломтик своей вилкой.

– ...аккуратно отправляю его в свой рот и прожевываю. Теперь я беру бокал достойного белого вина и делаю шесть маленьких глотков подряд. Теперь я с задумчивым видом посмотрю на фонтаны на площади. В этот момент я буду совершенно счастлив! Вот за что я плачу такие деньги, Чиро – за кусочек счастья. И в свою очередь: труд стольких людей, наконец, увенчан – я получил то, что хотел – они получили мои деньги.

– То есть вы мните себя венцом общества, синьор Каstellлаци?

Чиро едва сдерживал улыбку – ему казалось, что он загнал Сальваторе в тупик.

– Не общества, мой юный друг, а лишь этого куса ветчины. Я венец целого цикла производства потому, что являюсь потребителем готового продукта. Все мы что-нибудь производим, работаем над чем-то. Мои фильмы были завершены лишь, когда зритель мог их видеть – это увенчивало мой труд. Разве не греет вас мысль о том, что уютги, которые вы делаете, уже через несколько дней, в большинстве своем, будут гладить рубашки, брюки и платья? Разве не чувствуете вы, что труд ваш будет завершен в полной мере лишь в этот момент? Мне вообще всегда казалось, что общество основано именно на таких цепочках работающих людей, которые заняты общим делом не всегда зная-то, даже, друг о друге, и на обмене благами между этими цепочками.

Чиро улыбнулся какой-то злой улыбкой, от которой Сальваторе стало не по себе. Когда молодой человек заговорил, его голос стал ниже и тише:

– Поэтому вы до сих пор носите значок Фашистской партии?

«Ах, вот в чем дело!» – теперь Каstellлаци понял, как юноша воспринимал его слова, зная о фасции на подкладке пиджака.

– Да, именно поэтому, Чиро, ну и еще потому, что всегда любил быть немного против всех. Я по-прежнему верю в фашизм. И до сих пор считаю, что то, что мы построили тогда, было лучшим, что случилось с Италией со времен Возрождения.

– Бессмысленная война, бомбардировки, разруха, оккупация, расстрелы... Неужели вы до сих пор одурочены Муссолини?

– Я про Муссолини вообще ни слова не сказал, Чиро. Я верю в фашизм, а не в дуче. Более того, я страшно разочарован в нем. Он втянул нас во все это, хотя мы совсем не были готовы к Войне и, в общем, не хотели ее. Тот, кто подарит вам свет, обернется вашей тенью, Чиро. Впрочем, я понимаю ваше отношение – вы помните лишь послевоенную разруху и республиканскую пропаганду, но и вы поймите меня – я помню Италию на пике славы, помню, как мы свершали проекты, которые даже помыслить до этого не могли и ныне помыслить не можем.

Возникла пауза. Сальваторе вдруг понял, что ему, в общем, все равно на то, как его новый знакомый относится к фашизму, зато не все равно на то, как он относится к самому Каstellлаци.

– Вы весьма интересный собеседник, Чиро, и мне не хотелось бы, чтобы идеологические разногласия помешали нашему общению. В конце концов, ничто не имеет значения, кроме кино.

– Говоря откровенно, я не могу этого обещать, синьор Каstellлаци. Я пытался воспринимать ваши слова в отрыве от этого значка, но все время возвращаюсь к нему мысленно и никак не могу отделаться от ощущения, что вы агитируете меня за чернорубашечников. Отделаться от ощущения, что я общаюсь с идеологическим врагом...

– Понимаю...

Каstellлаци бросил взгляд на площадь и сделал глоток вина – он был расстроен. Конечно, желание весь мир делить на черное и белое всегда было свойственно молодости, но Сальваторе уже много лет не сталкивался с ним так близко, а потому не смог подготовиться к этой юно-

шеской жестокости. Неожиданно в голову Каstellаци пришла причудливая идея, которая еще даже не успев до конца оформиться, уже слетела с его губ:

– Вы любите кальчо, Чиро?

Такого поворота молодой человек явно не ожидал. Он внимательно посмотрел на Каstellаци, будто стремясь найти в этом предложении какой-то подвох. Наконец, Бертини ответил:

– Равнодушен, синьор Каstellаци.

– Завтра к Орл... к Лацио приезжает Юве. Если у вас нет никаких срочных дел, то я приглашаю вас – хочу кое-что вам показать, да и просто «Лацио – Ювентус» – вывеска все же. Пусть вы равнодушны к кальчо, но не на Луне же вы живете!

Чиро поколебался еще немного, но все же согласился.

– Хорошо, тогда встретимся у Олимпико в три.

Глава 8

Кальчо

В последние годы дела у Лацио шли не очень хорошо, поэтому и заполняемость трибун Олимпико оставляла желать много лучшего. Но для Сальваторе это было даже хорошо, так как с покупкой билетов не возникло никаких затруднений. Сегодня к привычному светлому костюму Кастеллаци добавил старую выцветшую голубую кепку с вышитым гербом Лацио. Он был лациале со второй половины 20-х годов, хотя в последнее время выбирался на стадион нечасто.

Они достаточно вольготно устроились на центральной трибуне и принялись ждать начала игры. Сальваторе мельком просматривал программку, а Чиро явно чувствовал себя не в своей тарелке. Кастеллаци вполне мог его понять – тиффози¹⁶ с Северной трибуны уже несколько раз затягивали фашистские кричалки и, кажется, жгли знамена Ромы. Ювентусу, разумеется, тоже доставалось, как и всем «зажравшимся северянам».

Команды вышли на поле и выстроились перед центральной трибуной. Вскоре игра началась. Ювентус, несмотря на внутренние неурядицы, был явным фаворитом, но Сальваторе был здесь не столько за спортивным действием, сколько за социальным.

– Для начала, Чиро, давайте посмотрим на поле. Мы видим двадцать пять человек, которые ничем бы друг от друга не отличались, если бы не цвет их формы. Игра превратилась бы в кашу, если бы не это разделение по внешним признакам, которые помогают своим находить своих...

Задоголовый имбицил! Быстрее налево отдавай!

...Это близко и правым и левым. Символы, атрибуты принадлежности. Черные рубашки фашистов, красные знамена и повязки коммунистов. В этом футбол очень схож с политикой – две противоборствующие стороны, для которых очень важно отличаться от оппонента, даже если реальная разница между ними не так уж и велика. Но есть и еще одна сторона – судейская бригада...

Эй! Рефери, да что там было-то?!

...Эти люди следят за тем, чтобы борьба шла лишь в установленных рамках с соблюдением заранее оговоренных правил. Как государство, которое должно следить за тем, чтобы политическое противоборство проходило в рамках закона, не выплескиваясь уличным насилием и политическим террором. Разумеется, стороны пытаются влиять на судей, споря с ними, убеждая их в своей правоте или, как эти...

Туринские ублюдки!

...подкупая их и создавая, таким образом, условия для развития своего преимущества. При этом и та и другая команда прекрасно понимает, что судьи, хорошие или плохие, так или иначе являются обязательным условием проведения матча, ведь без них игра свалится в хаос, причем в хаос чреватый потасовками и травмами. Разобравшись с общим, предлагаю перейти к частностям: алленаторе¹⁷ Лацио, Хуан Карлос Лоренцо, аргентинец. Он пытается прививать команде южноамериканскую манеру игры, но натывается на непонимание игроков.

¹⁶ Тиффози – итальянское прозвище и самоназвание активных футбольных болельщиков и фанатов. Слово «тиффози» буквально означает большого тифом и подразумевает, что футбольные фанаты находятся в таком же возбужденном, безумном состоянии, что и страдающие от тифа. Организованная группа тиффози называется тиффозерией.

¹⁷ Алленаторе – в буквальном смысле главный тренер команды. Но в итальянском футбольном лексиконе под термином «алленаторе» подразумевается не только человек, который проводит тренировки, но и автор тактики и концепции игры команды, который так же отвечает за принципы формирования состава команды. При этом, алленаторе иногда вовсе не участвует в непосредственном тренировочном процессе, доверяя его своим помощникам.

Мы, итальянцы, не очень-то любим раскатывать мяч и пускаться в обводку в попытке продраться через костоломов – мы больше любим выманить и нанести резкий удар, отрезав большую часть команды соперника одной-двумя передачами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.